

**В. Л. Васильев (Великий
Новгород)**

**К ИСТОРИИ СЕВЕРНОРУССКИХ И
НОВГОРОДСКИХ ЛАНДШАФТНЫХ
ТЕРМИНОВ (*ОРГА, ОРОГЪ, ВОРОГ,
РОГАЧ, ОЛЬГА*)**

Несколько слов о древненовгородской колонизации

- Севернорусская и новгородская (в меньшей степени псковская) диалектная лексика включает множество пересечений, общих и сходных лексем, что в общих чертах объяснимо средневековыми культурно-историческими связями Русского Севера главным образом с Приильменьем и Поволховьем, актуальными преимущественно для древнерусской эпохи. Действительно, славянское заселение Русского Севера, в особенности районов Карелии, Мурманской обл., северных районов Вологодской и Архангельской обл., в наибольшей степени проистекало из окрестностей Ильменя, включая смежные с Ильменем системы рек Мсты, Ловати, Шелони и прилегающие к ним течения Луги, Плюссы, Сяси, Мологи.
- 1-й этап – восточнославянская племенная внутренняя колонизация (VII-X вв.)
- 2-й этап – новгородская колонизация Русского Севера (XI-XV вв.)

óрга

- Севернорусск. *óрга*, обозначающее ‘густой дремучий, высокий еловый лес’, ‘непроходимый густой лес, чаща’, ‘топкое место, поросшее дурным лесом’, ‘овраг или топкое место, поросшее лесом’, ‘овраг, низина’, ‘лужа’, ‘покрытое плесенью озерцо’ и т.п., имеет довольно выразительный ареал в районах Южной Карелии, запада Архангельской обл. и северо-запада Вологодской обл., судя по данным [СРНГ 23: 330–331, 349; СРГК 4: 234; Мызн. РДЭС: 558–559]. Этот заимствованный термин давно и надежно связывают с прибалтийско-финской лексикой, а именно с собственно карельск. *orko, orgo* ‘болото, поросшее лесом’, ‘сырая долина, поросшая еловым лесом, изменность’, ‘влажная низина с растущим на ней ельником’, ‘ложбина, низина, овраг’, ‘заливной луг’, ливвиковск. *orgo* ‘овраг; низина с водой’, согласно [Погодин 1904: 47; Kalima 1919: 177; Фасм. ЭСРЯ III: 149; SSA 2: 271; Мамонтова, Муллонен 1991: 68–69; Мызн. РДЭС: 559; Кузьмин: 143].

орогъ

- Речь идет о древненовгородск. *орогъ* из берестяной грамоты № 805 последней трети XII в.: «...орють орогъ», т.е. ‘пашут лощину, овраг’ [Зализняк 2004: 389–390]. Местность, о которой говорится в этой грамоте, не локализована. А. А. Зализняк приравнивает *орогъ* к севернорусск. *óрга* ‘болотистое топкое место’, ‘лощина, овраг’, возводя форму *орогъ* к более раннему облику *оръгъ* со вставным редуцированным гласным (по второй версии – со вставным *о* благодаря уподоблению первому слогу), который устранил сочетание *рг*, нарушавшее закон открытого слога. В отличие от севернорусск. *óрга*, восходящего к изосемантическому карельск. *orgo, orko*, древненовгородск. *орогъ* является заимствованием прибалтийско-финск. *org* – термина, отличного от *orgo, orko* отсутствием финального гласного: таковы вепсск. *org* ‘овраг, низина’ [СВЯ: 382], людиковск. ‘овраг, узкая долина’ и эстонск. *org* ‘долина, лощина’ [SSA 2: 271].

орга и *орогъ* – самостоятельные, независимые заимствования

- Данные лексические заимствования – севернорусское и древненовгородское - восходят к родственным лексемам разных прибалтийско-финских языков, получены в разное время и на разных территориях. Севернорусск. *óрга*, судя по ареальным свидетельствам, было усвоено русскими на втором, новгородском этапе колонизации, а именно на территории Карелии, вероятно, в северных окрестностях Онежского озера. Термин вошел в русские говоры из карельских диалектов скорее всего после XIII–XIV вв., поскольку, по общепризнанному мнению, широкая, связанная с боярским и монастырским землевладением, колонизация указанной территории средневековым новгородским населением развернулась не ранее этого времени.

орогъ – заимствование этапа племенной колонизации?

- Древненовгородск. *орогъ*, донесенное берестяной грамотой № 805, проникло в древненовгородский диалект либо с запада – из эстонского ареала, с востока – из исторического вепсского ареала. Судя по ранней фиксации термина (XII в.), его усвоение, вероятно, могло произойти еще на первом, восточнославянском племенном этапе колонизации – где-то в центральных районах исторических Новгородско-Псковских земель, т.е. на рано славянизированных территориях к югу от Финского залива и Ладожского озера и к западу от бассейнов Мологи, Чагоды и Паши.

во́рог

- На мой взгляд, древненовгородский ландшафтный термин *орогъ* реликтивно сохранился в виде твер. осташковск. *во́рог* ‘овраг’ [СРНГ 5: 108]. Согласный *в* анлаута позволительно считать поздней протезой, но более вероятным выглядит его появление в результате контаминации *орогъ* (> *орог*) с термином *враг* ‘овраг’, отмеченным во многих среднерусских, в том числе тверских, говорах [СРНГ 5: 182–183].

Критика версии об этим. тождестве осташ. *вóрог* и сев.-рус. *вóрга*

- Иное решение предложено в русском этимологическом словаре А.Е. Аникина [Ан. РЭС 8: 245], где осташковский термин возведен к арх., волог. *вóрга* 'овраг, лог, ложбина', арх. 'заливаемое место на берегу реки, на острове', 'низкое топкое труднопроходимое место', 'топь на болоте' и др., см. [СГРС 2: 172–173], сходные значения дают [Даль 1: 242; СРНГ 5: 98]. Однако сближению с сев.-рус. *вóрга* препятствует значительное ареальное расхождение: термин *вóрга* имеет отчетливый севернорусский и отчасти сибирский ареал, не распространяясь западнее Вологодской обл. и Карелии (сводные ареальные данные в [Ан. ЭСРДС: 158; Мызн. РДЭС: 142–143]), и на его фоне осташковск. *вóрог* 'овраг' выглядит ареально изолированным лексическим фактом.

Критика версии об этим. тождестве осташ. *вóрог* и рус. *овраг*

- В свою очередь С.А. Мызников в своем диалектно-этимологическом словаре [Мызн. РДЭС: 143] трактует осташковск. *вóрог* на исконной почве, рассматривая вместе с перм. *ворóга* 'обрыв'. Этой трактовке мешают фонетические нестыковки: требуется допущение гиперкорректного полногласного переложения термина *враг* 'овраг', что не находит никакого фактического подкрепления и в целом менее приемлемо, чем допущение контаминации *орог* + *враг*. Что же касается перм. *ворóга* 'обрыв', то его целесообразно вообще обособить от осташковского слова и рассмотреть в гнезде сев.-рус. *вóрга*; насчет возможности появления второго гласного *о* в перм. термине ср. арх. *вóрога* и *вóрга*, обозначающие 'полоса, потёк' [АОС 5: 86] и 'след зверя' [СГРС 2: 174, 179].

Эстонский источник др.-новг. *орогъ*

- Говоры Приселигерья, включая окрестности Осташкова, в своем развитии были тесно связаны с говорами Псковской земли. На диалектологической карте 1964 г. они показаны вблизи восточной периферии Псковской диалектной группы [ДАРЯ, вып. I, карта IV]. Следовательно, если твер. осташковск. *вóрог* и др.-новг. *орогъ* исторически одно и то же слово, то источником этого раннего новгородского заимствования предпочтительнее считать эст. *org* 'овраг' (а не вепс. и, тем более, не люд. *org*), поскольку только с эстонским этноисторическим ареалом находилось в межъязыковом контакте средневековое население Псковской земли.

Топонимические следы др.-новг. *орогъ*

- Др.-новг. *орогъ*, распространившееся на восток из районов псковско-эстонского межъязыкового обмена, по-видимому, оставило топонимические следы неподалеку от восточного побережья Ильменя. Один из следов представлен названием *Рогомля / Рагомля* левого притока Холовы в нижнем течении Мсты, при этой речке стояла д. *В Рогумле* Холовского погоста 1495/96 г. [НПК II: 430]. Не очень далеко, опять же в Помостье, обнаруживается ойконимная параллель – д. *Рогомля* Островского погоста 1495/96 г. [НПК II: 103, 104, 113], локализованная при впадении р. Лягушки в р. Олешню. Ойконим *Рогомля*, судя по его строению и расположению именуемой деревни, является первоначальным гидронимом, названием речки. Пара гидронимов *Рогомля* могут объясняться как весьма старые производные с древневосточнославянской суффиксацией *-омля* от др.-новг. *орогъ* (< *оръгъ*). В таком случае *Рогомля* идет из др.-новг. **Оръгомля*, которое после утраты редуцированных пережило метатезу гласного и плавного.

ро́гач

- Изменение *орг-* > *рог-*, аналогичное изменению **Оргомля* > *Рогомля*, иллюстрирует западновологодск. *ро́гач* 'низкое болотистое место, заросшее кустами и кривыми деревьями' Шексн. [СРГК 5: 539]. В словаре [Мызн. РДЭС: 678] оправданно отрицается сближение его с вепс. *rogo* 'камыш'. Судя по значению, *ро́гач* безусловно получено из формы **о́ргач*, благодаря метатезе согласных. Первичная форма **оргач*, образованная при помощи суффикса *-ач*, отсылает, конечно, не к др.-новг. *орогъ* (< **оръгъ*), а к от сев.-рус. *о́рга* 'топкое место, поросшее лесом', широко распространенному в западных районах Вологодской обл. Единичность фиксации производного *ро́гач* позволяет считать, что мы имеем дело все же не с самостоятельным географическим термином, а с топонимом *Ро́гач*.

К отношению терминов *óрга* и *óльга*

- Сев.-рус. олон. *óльга* 'болото; топкое болото' [Даль 2: 672; Куликовский] рассматривалось как заимствование фин. *alho* 'низменное место, болото' [Kalima 1919: 175]. Позднее к мнению Калимы присоединились авторы словарей [Фасм. ЭСРЯ III: 137; SSA 1: 69; Мамонтова, Муллонен 1991: 21]. В последнем из перечисленных изданий олон. *óльга* соотнесено с собственно карельскими и ливвиковскими данными, такими как *alho* 'болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг, ложбина', фин. 'ложбина, лощина', диал. 'омут (в реке, озере); яма' и дан ряд соответствующих топонимов: *Alho, Alhot, Alhonkaivo, Alhonsuo* и др. С.А. Мызников, подробно верифицировавший фиксации этого термина, пришел к выводу, что В.И. Даль и Г. Куликовский взяли его из материалов П.Н. Рыбникова, причем фиксация Рыбникова является и первичной, и единственной. Это позволило исследователю высказать мысль о том, что уникальное сев.-рус. *óльга* 'болото' не что иное, как случайный произносительный вариант рассмотренной выше лексемы *óрга* 'густой лес', 'низменное болотное место, поросшее лесом', частотной и устойчивой в говорах Обонежья [Мызников 2004: 69–71; Мызн. РДЭС: 555].

Аргумент русской топонимии

- Мне кажется, что веское слово в этой дискуссии должна сказать и севернорусская топонимия. В бассейне р. Суды, правого притока Шексны, течет р. *Ольга*, кроме того, указывают д. *Ольга* в Каргополье. Эти два факта топонимии склоняют все же к принятию традиционного мнения, заставляя думать не о побочном фонетическом варианте термина *о́рга*, а о самостоятельном ландшафтном термине *о́льга* со своей этимологией. Судя по единичности письменных фиксаций и по характеру анлаута лексемы, перед нами редкое или уже исчезнувшее раннее, древнерусское заимствование п.-фин. *alho*, при котором п.-фин. гласный *a* был субституирован др.-рус. гласным *o*.

• **БЛАГОДАРЮ**

ЗА

ВНИМАНИЕ!